

столько же взял в плен. Первым ворвался в город. Все это зафиксировал в наградном листе командир разведроты Семенихин. Приказом по 33-й армии от 22 февраля 1945 Афанасьева наградили орденом Славы 2 степени.

В наступательных боях вышли к Одеру южнее Франкфурта, до Берлина оставались десятки километров. Но с ходом их не одолеть, надо было накопить силы.

А весна уже бушевала своим многоцветьем, звала к живым, созиданию... Все понимали, что последний рывок к миру, к Победе будет очень нелегким, но все равно ждали его с нетерпением.

В самый канун Берлинской операции стрелковая часть завязала бой, чтобы улучшить свои позиции перед штурмом на западном берегу реки. Афанасьев в числе первых форсировал Одер, первым ворвался в траншею противника, уничтожил в ней 8 немцев и 5 взял в плен. В разгар схватки принял на себя командование взводом. Умелым маневром при атаке вражеского дота принудил к сдаче его гарнизон. Первым вышел на шоссе, отрезав путь отхода противника.

В критический момент боя врагу удалось прижать наши наступающие роты к земле плотным огнем. Атака срывалась, потери росли.

В этот момент метнулся пехотный командир к залегшему неподалеку Афанасьеву.

— Ты, вижу, под огнем не впервой. Вон, гляди, рядом лежат фаустпатроны, брошенные немцами, устрой-ка баню их пулеметам.

То вражеское орудие, если по правде, и Афанасьев знал, что называется, лишь вприглядку, но объяснить что-то да и раздумывать было просто некогда: пули продолжали выкапывать однополчан.

Быстро подполз к фаустпатронам. Получше оглядел прицельное устройство. Приноровился быстро и полетели прямо на пулеметы очень убойные набалдашники. Взрыв за взрывом, все слабее пулеметный треск. И вот опять рванулись вперед стрелки. На этот раз удачно. Есть продвижение!

Не уберется, попал под вылетающее из трубы фаустпатрона пламя, загорелось на Афанасьеве обмундирование. Попробовал было сбить пламя, катаясь по земле. Благо

подоспели и помогли двое солдат, похоже специально посланных комбатом. Они же и понесли его, скорчившегося от жгучей ожоговой боли, к спасительному леску, где сосредоточивались раненые. Там уложили в первый под-вернувшийся грузовик.

Уже в госпитале, куда на несколько месяцев угодил Иван Ильич с сильными ожогами, узнал, что однополчане успешно участвовали в Берлинской операции, что фашистская столица взята штурмом, что наконец-то враг капитулировал, добыта так долгожданная всеми Победа. Там же довелось услышать и еще об одной победе — над Японией.

Туда же, в госпиталь, пришла весть о том, что за свой последний бой, оказавшийся для него и впрямь самым трудным, помощник командира взвода Афанасьев удостоен ордена Славы 1 степени. Так он стал полным кавалером этого очень почитаемого всеми воинами ордена. Подвиг храбреца-разведчика, дошагавшего почти до самого Берлина, отмечен по-достоинству.

В родной Курск служивый вернулся только год спустя после Победы. Отдохнул месяц, как и положено было фронтовику, огляделся. И руины еще застал, нехватки всякие, карточки на продукты.

Еще до армии Иван Афанасьев работал на обувном предприятии горпромкомбината. Помнится, им, призывникам, тогда вручили по паре хромовых сапог да по пла-точку. Но при всем уважении к своей бывшей профессии Иван Ильич решил, что ему, тридцатилетнему, стоит выбрать дело по-рабочему более основательное, солидное. Нет, речь не о должностях. На них как раз и не претендовал полный кавалер ордена Славы.

Пошел он в 46-м учеником токаря на электроаппаратный завод. Мастерской люд принял фронтовика очень хорошо. При поддержке умельцев Афанасьев вскоре стал самостоятельно работать на станке. Осваивал с каждой неделей все более сложные детали. Со временем переквалифичировался в высококлассного слесаря-сборщика, освоил регулировку станков. Не искал никаких выгод на стороне. Все свои шесть трудовых пятилеток отдал родному предприятию.